

Л.М. Веккер

Психические процессы

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Л11

Л11 **Л.М. Веккер**
Психические процессы: Том 1 / Л.М. Веккер – М.: Книга по Требованию,
2013. – 330 с.

ISBN 978-5-458-36357-0

ISBN 978-5-458-36357-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

отдельной науки со своим самостоятельным конкретным предметом исследования. Внутри этого единого предмета происходит дифференциация разных аспектов, отдельных психических процессов, фаз и стадий их развития в филогенезе, онтогенезе функциональном становлении и т. д. В ходе развития экспериментальной и прикладной психологии накапливается огромный фактический материал. Материал этот, естественно, требует обобщения. Возникают теории, пытающиеся объединить и систематизировать лавинообразно нарастающее обилие фактов. Группируя факты и феномены и обобщая их по различным выделяющимся в них основным характеристикам, эти теории приходят к выявлению главных общих аспектов психических процессов — способа их связи, их структуры, функции, операционного состава, энергетике, механизма. Но, абстрагируя эти аспекты друг от друга, внутрипсихологические теории неизбежно оказываются необычайно дробными. Дробность же эта и вытекающая из нее теоретическая «рыхлость», явно не удовлетворяющие критериям «внешнего оправдания» и «внутреннего совершенства» (Эйнштейн), выражаются не только во внутренней несвязанности теорий, относящихся к *разным* психическим процессам, но в том, что *возникает по несколько теорий, пытающихся объяснить один и тот же психический процесс*. Так, Олпорт в своей монографии упоминает тринадцать теоретических концепций восприятия.¹ Опыт истории и логика развития науки ясно свидетельствуют о том, что такого рода обилие концепций является грозным индикатором недостаточной теоретической зрелости. Шутливое по форме утверждение физиков о том, что нагромождению теорий разумнее уж предпочесть нагромождение фактов,² по существу верно.

Дефицит теоретического единства становится все очевиднее, как и то, что внутренними силами самой психологии невозможно преодолеть энтропию фактического материала и победить «тысячеглавую гидру эмпиризма» (Гете). И это вполне понятно, ибо психическая деятельность является *одной из форм* работы нервной системы как носителя и аппарата психики. Поэтому механизм и способы организации психических процессов могут быть объяснены лишь на основе общих законов функционирования этого аппарата. Нервная же система как центральный управляющий аппарат организма сама является частной формой систем управления, и законы ее работы являются специальным случаем общих принципов управления. Именно поэтому общий концептуальный аппарат, возникавший в значительной мере в качестве отклика на дефицит теоретического единства, формировался в пограничных областях, связывающих между собой психологию, нейрофизиологию, общую биологию, социологию, физику и технику.

Такое расположение «точек роста» науки на границах между ее смежными областями имеет и более общее методологическое и ло-

¹ Allport F. H. Theories of perception and the concept of structure. N. Y., 1965.

² См. кн.: Физики шутят. М., 1966.

фактическое основание: известно, что предельные, исходные понятия частной теоретической концепции не могут быть раскрыты средствами концептуального аппарата самой теории — для этого требуется обобщающий переход к метатеории. Этим определяется неизбежность выхода за пределы собственно психологических понятий для продвижения к единой теории, охватывающей нарастающее многообразие фактического материала экспериментальной психологии психических процессов.

С другой стороны, экспериментальное и теоретическое развитие внутри самой психологии оказывало и продолжает оказывать очень существенное обратное воздействие на становление концептуального аппарата, складывающегося в пограничных сферах или «точках роста». Дело в том, что дифференциация фактического материала и понятийного аппарата психологии все отчетливее, точнее и детальнее выделяет и расчленяет специфические характеристики психических процессов, подлежащие объяснению средствами общей теории. А это по необходимости ведет к конкретизации и, с другой стороны, к дальнейшему обобщению того понятийного аппарата, который складывается на основе современного синтеза смежных областей науки. В итоге можно сказать, что единый научный аппарат современной психологии складывается в результате взаимодействия пограничного, *внепсихологического* и собственно *внутрипсихологического* научного развития.

Эти историко-логические особенности отношений общего понятийного аппарата и экспериментально-теоретического анализа отдельных психических процессов легли в основание структуры данной монографии. Предметом ее первой, общей части являются эмпирические, философские, психологические, нейрофизиологические и кибернетические истоки и предпосылки концептуального аппарата современной единой теории нервных и нервно-психических процессов. Основные общетеоретические положения рефлекторной теории и кибернетики, составляющие главный объект рассмотрения первой части, излагаются, естественно, не как самостоятельный предмет, а лишь как необходимый концептуальный аппарат последующего экспериментально-теоретического анализа отдельных психических процессов. Ход и результаты такого анализа сенсорно-перцептивных образов излагаются во второй части данного тома. Исследованию других психических процессов будет посвящен следующий том.

Такая структура монографии кроме указанных историко-логических оснований определяется еще и тем, что изложенные в первой части основные принципы рефлекторной теории нервно-психических процессов и общей теории сигналов используются для теоретического объяснения *всех* психических процессов, которые рассматриваются в данном томе и будут рассмотрены в следующем. Естественно поэтому, что принципы единой теоретической концепции целесообразно «вынести за скобку» в качестве общего «множителя» и рассмотреть предварительно как понятийный «инструментарий» всего последующего анализа.

Часть первая. ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

ГЛАВА I

ОБ ОБЩЕЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПУТЯХ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

1. Основные специфические характеристики психических процессов

Существует глубокая и все более отчетливо раскрывающаяся аналогия между фазами становления отдельных актов индивидуального человеческого познания (восприятия или мысли) и ступенями исторического развития научных понятий. Из экспериментальной психологии восприятия хорошо известно, что процесс формирования образа начинается с *различения* и далее идет через опознание к полному и адекватному восприятию данного объекта. Психология мышления со времен Клаппареда знает также примечательный факт, заключающийся в том, что мысль легче устанавливает различие, чем фиксирует сходство.

Аналогичным образом, по крайней мере в ряде случаев, историческое становление научных понятий начинается именно с их различения. Так, формирование и развитие понятия *психического* явления или процесса естественно начинается с различения психического и непсихического, т. е. с противопоставления сферы психических явлений всему многообразию остальной реальности, которая в эту сферу не включается. Такое первичное различие и противопоставление *психических* процессов всем остальным функциям телесного аппарата, относимым к категории *физиологических*, и всем остальным *физическим* явлениям действительности по самому своему смыслу покоится на выделении исходной совокупности отличительных признаков, *общих* для всех процессов, относящихся к категории психических. Но выделение общих признаков любого психического процесса явилось не результатом обобщения понятий об отдельных конкретных психических процессах, таких как ощущение, восприятие, представление, мысль или эмоция, а эффектом противопоставления или отличия всякого психического процесса от всякого же процесса непсихического. Это именно *различение*, осу-

шествующее по каким-то критическим, общим признакам. Очевидно, эти общие признаки *любого* психического процесса поддавались более или менее отчетливому распознаванию *раньше*, чем были выделены *специфические характеристики*, отличающие отдельные, конкретные психические процессы друг от друга: представление — от восприятия, мысль — от представления или эмоционально-волевой процесс — от мыслительного.

Вычленение понятий об *отдельных* психических процессах было, по-видимому, результатом дальнейшей конкретизирующей работы познания. И только после того, как эта конкретизация (на последних своих этапах опосредованная накоплением и развитием экспериментально-психологических знаний) совершилась, стал возможным обратный процесс абстрагирования от конкретной специфичности отдельных психических процессов и выделения их общих признаков. Такой процесс *вторичного* обобщения (как исторического, так и актуально совершающегося в отдельном познавательном акте) должен привести к тем же *общим* признакам всякого психического процесса, которые составляют основу различения психического и непсихического. Исходя из этой логики познания отправным пунктом научного анализа психических процессов должно быть первоначальное феноменологическое описание перечня основных *эмпирически выделенных* характеристик всякого психического процесса, составляющих *основу* их первичного различения и *результат* их последующего обобщения.

В самом деле, по каким опознавательным признакам ощущение, волевой акт или нравственный порыв мы безошибочно относим к классу психических явлений, а мышечное сокращение или секрецию — к категории явлений физиологических?

Начавшись с ответа на этот вопрос, научно-психологический анализ должен продвигаться далее по крутому и извилистому пути перехода от этого — первоначально по необходимости обобщенно схематического — эмпирического описания специфики психических процессов ко все более конкретному ее теоретическому объяснению.

Выделяясь своими специфическими признаками из всей совокупности *физических* (в широком смысле) явлений действительности, психические процессы противопоставляются в первую очередь ближайшей по отношению к ним пограничной области физических (в узком смысле) отправлений человеческого тела, т. е. физиологическим актам. Существование всякого физиологического отправления определяется прежде всего характером *функционирования органа*, которое ведет к реализации данного акта. Естественно поэтому, что специфика основных критических признаков, по которым осуществляется первичное различение психического или психофизиологического и собственно физиологического акта, связана с особенностями отношений между механизмом функционирования органа этого акта и самим актом как результатом этого функционирования. Именно к сфере отношений между внутренней динамикой функционирования органа соответствующего процесса и итоговыми характе-

ридиками самого процесса относятся критические признаки психических актов, составляющие «разностный порог» их первичного различения человеческим опытом. Такими опознавательными эмпирическими признаками являются следующие:

1. Исходный критический признак какого-либо акта как *психического* эмпирически выражается прежде всего в существовании двух рядов фактов, все более обогащающихся с накоплением жизненного и научного опыта, одинаково достоверных, но совершенно по-разному выражающих отношение этого акта к внутренней динамике процессов, протекающих в его органе. Первый из этих рядов фактов неопровержимо свидетельствует о том, что любой психический процесс, как и всякий другой акт жизнедеятельности человеческого организма, представляет собой отправление какого-либо из его органов. И динамика этого отправления органа психической функции, будь то глаз, ухо, мозг или нервная система в целом, может быть описана лишь в терминах тех внутренних явлений, которые в этом органе происходят. Иначе говоря, механизм любого психического процесса в *принципе* описывается в той же системе физиологических понятий и на том же общепфизиологическом языке; что и механизм любого физического акта жизнедеятельности.

Однако, в отличие от всякого другого собственно физиологического акта (а это составляет существо второго ряда фактов), конечные, итоговые характеристики любого психического процесса в общем случае могут быть описаны только в терминах свойств и отношений внешних объектов, физическое существование которых с органом этого психического процесса совершенно не связано и которые составляют его содержание. Так, восприятие или представление, являющиеся функцией органа чувств, нельзя описать иначе, чем в терминах формы, величины, твердости и т. д. воспринимаемого или представляемого объекта. Мысль может быть описана лишь в терминах признаков тех объектов, отношения между которыми она раскрывает, эмоция — в терминах отношений к тем событиям, предметам или лицам, которые ее вызывают, а произвольное решение или волевой акт не могут быть выражены иначе, чем в терминах тех событий, по отношению к которым соответствующие действия или поступки совершаются. Таким образом, процессуальная динамика механизма и интегральная характеристика результата в психическом акте отнесены к *разным предметам*: первая — к органу, вторая — к объекту.

Это парадоксальное воплощение свойств внешнего объекта в состояниях другого объекта — органа психического акта или, наоборот, «перевоплощение» собственного «нутра» носителя психики в свойства другого, внешнего по отношению к нему физического тела составляет подлинную исконную специфичность психического процесса. Такое алхимическое переплавление в «состояния другого», стоящее у самого порога всякого психического акта, по своему глубинному существу не только сродни социальному дару человеческого перевоплощения и его высшим проявлениям в актерском искусстве, но как «корневое» свойство психики составляет, по-

видимому, его действительную исходную предпосылку и основу.

Такая «сценическая» представленность свойств объекта психики в состояниях ее носителя получает эмпирически наиболее отчетливое выражение в пространственных компонентах психического процесса. И это естественно, ибо пространство воспринимаемого или мыслимого объекта всегда очевидным образом не совпадает с геометрией носителя этих актов и явно находится просто вне его пределов. Уже в простейшем психическом процессе — элементарном ощущении, т. е. у самого порога психики, как бы по закону «все или ничего» получает свое полное выражение такой ультраспецифический и чрезвычайно загадочный пространственный признак психического процесса, как его так называемая проекция. Существо этого феномена, издавна привлекавшего своей крайней парадоксальностью пристальное внимание всех, кто глубоко задумывался о природе психического, лаконично и предельно ясно описано Марксом так: «...световое воздействие вещи на зрительный нерв воспринимается не как субъективное раздражение самого зрительного нерва, а как объективная форма вещи, находящейся вне глаз».¹ Совершенно не случайно, конечно, Маркс использует явную специфичность этого феномена, столь резко необычного при всей его полнейшей привычности, именно в качестве аналогии таинственности товарной формы, перевоплощающей общественный характер труда в вещественные качества его продукта.

Аналогичным образом охарактеризовал это важнейшее свойство Сеченов, который писал, что «когда на наш глаз падает свет от какого-нибудь предмета, мы ощущаем не то изменение, которое он производит в сетчатке глаза, как бы следовало ожидать, а внешнюю причину ощущения — стоящий перед нами, т. е. вне нас, предмет».² Проявляющаяся здесь, вопреки тому «как бы следовало ожидать», специфика состоит в том, что физические изменения, совершающиеся в органе психического процесса, предстают перед их носителем как события, разыгрывающиеся вне этого органа в реальном внешнем пространстве — *в пространстве объекта*, явно не совпадающем с *пространством органа*. Совершенно особый характер этого критического пространственного признака резко отличает его не только от качественных (модальных) характеристик психических процессов, но даже от других пространственных же компонентов, например от воспроизведения формы, рельефа и др. Воспроизведение качеств одного объекта в другом, служащем его моделью, само по себе не включает еще уникальной специфичности психических явлений — оно встречается в различных видах и непсихических отображений. «Подобное воспроизводится подобным» — констатировали еще в древности. Это же относится и к воспроизведению некоторых пространственных свойств, таких, напри-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82.

² Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947, с. 433.

мер, как форма. *Разные предметы* — копия и оригинал — могут обладать *одной и той же формой*, величиной, цветом и т. д.

Уникальность и таинственность свойства проекции определяется тем, что здесь в одном объекте — органе воспроизводится *место*, занимаемое другим объектом. А место в системе отсчета является *монопольной* принадлежностью каждого данного объекта. В отличие, например, от формы *разные* объекты не могут обладать *одним и тем же* местом. Ибо обладать местом — значит находиться в нем. Поэтому *воспроизвести* в одном объекте местонахождение другого можно, только *заяв его место*. Между тем именно такое воспроизведение места одной вещи — объекта в другой вещи — органе, но без того, чтобы это место реально занять, как раз и составляет самое существо описываемого феномена проекции, или отнесенности процесса, совершающегося в органе, к координате объекта.

Такое «единство в двух лицах» и является наиболее непонятной и таинственной особенностью описываемого критического отличительного признака. При этом существенно, что, хотя феномен проекции обычно демонстрируется на примерах зрения, в своем исходном общем качестве этот признак имеется в любом самом простейшем, скажем тактильном, ощущении. Он возникает именно у самой границы психического, сразу, вместе с психическим процессом, в дальнейшем развитии которого данный феномен может претерпевать лишь определенные модификации. Именно в этом смысле, вероятно, могут быть поняты слова Вольтера о том, что «чудо» психики «дается разом», поскольку оно заключается и в простейшем ощущении младенца и в величайших творениях «Ньютонова мозга».

Различные конкретные формы, которые приобретает общее свойство отнесенности к пространству объекта на разных уровнях организации психической деятельности, были выявлены значительно позднее, уже в ходе экспериментально-психологических исследований психических процессов. Так, воплощением именно этой специфической «объектной» отнесенности является такое экспериментально выявленное свойство пространственно-временных компонентов *сенсорных* процессов (ощущений), как их парциальная метрическая инвариантность, которая выражается в конгруэнтности отображаемых координат объекта (меняющихся во времени или постоянных) их действительным координатам в не связанной с субъектом системе отсчета. В еще более полной форме это свойство выражено в интегральной метрической инвариантности *перцептивных* образов, коэффициент константности которых равен единице. Такая интегральная метрическая инвариантность заключает в себе воспроизведение уже не только места или координаты воспринимаемого объекта, но всей полноты его собственных *пространственных свойств* (величины, рельефа, формы и т. д.). В таком свойстве вторичных образов или представлений, как их *панорадность*, выводящая пространственную структуру образа за границы поля восприятия, достигается еще большее освобождение

образа от ограничений, которые ставятся собственными пространственными свойствами воспринимающего аппарата.

На уровне понятийного мышления такая «эмансипация» от собственного пространства носителя психики, являющаяся еще более сложным выражением того же свойства проекции, принимает форму децентрации (Пиаже), в которой выражается не только расширение границ пространственной структуры образа, но и выход за пределы системы отсчета, связанной с субъектом, выход, реализуемый путем соответствующего преобразования координат, т. е. сменой их начала.

Все эти феномены и характеристики в разных модификациях воплощают в себе рассматриваемый исходный критический признак психического процесса, заключающийся в том, что, протекая в своем органе-носителе, этот *внутренний процесс* в его конечных, результативных параметрах скроен по образцам свойств *внешнего объекта*.

2. Продолжением или оборотной стороной, т. е. отрицательным проявлением этой «скроенности» внутреннего мира по моделям мира внешнего (эмпирически выражающейся в необходимости формулировать характеристики психических процессов лишь в терминах свойств внешних объектов), являются и остальные общие особенности этих процессов.

Вторая специфическая их особенность заключается в том, что в картине психического процесса, поскольку она есть именно *картина*, открывающая носителю психики свойства ее объектов, остается совершенно скрытой, *непредставленной* вся внутренняя динамика тех сдвигов в состояниях органа-носителя, которые данный процесс реализуют. Эта замаскированность действительно эмпирически «выглядит», как отрицательное проявление совершающегося здесь акта перевоплощения, ибо и на самых высоких уровнях этого феномена — в художественном образе искусство отображения тем совершеннее, чем в большей мере скрыта его *техника*, вполне аналогичная *механизму* тех изменений органа, которые формируют отдельный психический процесс.

Как и в отношении первого исходного признака предметности, свидетельства индивидуального опыта о невключенности внутренних процессов глаза, уха, нерва и мозга в окончательную структуру восприятия, представления или мысли вполне подкрепляются данными опыта научного. Обогащение и конкретизация знаний о нервных процессах как ближайшем к психике звене механизма работы ее органа отчетливо показывают, что прямое построение многокачественной и предметно-структурированной картины восприятия, чувства или мысли с их устойчивыми инвариантными характеристиками из «материала» стандартных нервных импульсов или градуальных биопотенциалов и их текучеизменчивой динамики осуществлено быть не может.

Эмпирическое существо второго специфического признака психического процесса сводится, таким образом, к тому, что его итоговые, конечные параметры не могут быть сформулированы на соб-

ственно физиологическом языке тех явлений и величин, которые открываются наблюдению в органе-носителе. Эта неформулируемость характеристик психических процессов на физиологическом языке внутренних изменений в их субстрате является оборотной стороной их формулируемости лишь на языке свойств и отношений их объекта. Если первая эмпирическая характеристика составляет парадокс предметности или «объектной» структуры *субъективных* состояний, то вторая характеристика психического процесса заключается в себе другую сторону этого гносеологического парадокса — возможность освобождения субъективных состояний от субъективности, т. е. парадокс знания о «вещах в себе».

3. Третья чрезвычайно существенная и не менее загадочная эмпирическая особенность всех психических процессов, также связанная с соотношением их механизма и итоговой предметной структуры, феноменологически характеризуется тем, что психические процессы *недоступны прямому чувственному наблюдению*. Своему носителю — субъекту психический процесс (восприятие или мысль) открывает свойства *объекта*, оставляя совершенно скрытыми изменения в субстрате, составляющие механизм этого процесса. Но, с другой стороны, изменения в субстрате, открытые с той или иной степенью полноты для стороннего наблюдателя, не раскрывают перед ним характеристик *психического* процесса другого человека. Восприятия, представления, мысли, чувства — все психические явления «трагически невидимы».³

Вопреки долго существовавшему в традиционной психологии мнению, они скрыты и от прямого чувственного восприятия субъекта, являющегося их носителем. Человек *не воспринимает* своих восприятий, но ему *непосредственно открывается* предметная картина их объектов. Внешнему же наблюдению не открывается ни предметная картина восприятий и мыслей другого человека, ни их собственно психическая «ткань», или «материал». Непосредственному наблюдению со стороны доступны именно и только процессы в органе, составляющие механизм психического акта.

Специфика и загадочность этой характеристики определяется тем, что другие встречающиеся в природе и технике виды предметных изображений в меру доступности их оригиналов чувственному восприятию доступны ему и сами. Механический отпечаток, фотографическое, телевизионное или киноизображение в такой же мере чувственно воспринимаемы, как и их объект. Более того, сама эта их чувственная доступность определяет их функцию и существо. Психический же процесс, воспроизводя картину предметной структуры своих объектов, сам по отношению к этой картине остается совершенно прозрачным и тем самым невоспринимаемым. Эта прозрачность и невоспринимаемость психического процесса составляет такой же его необходимый атрибут, как и, наоборот, *воспринимаемость* фотографического, скульптурного, сценического

³ См.: Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1965.

или другого изображения в технике, природе или искусстве.

4. Следующая специфическая характеристика психического процесса, в отличие от предшествующих, определяет не его прямое отношение к объекту или к его непосредственному субстрату, а его выражение в поведенческом акте, во внешнем действии, побуждаемом и направляемом при посредстве психического процесса. Эта высокоспецифическая особенность, истоки которой глубоко скрыты под феноменологической поверхностью и связаны с далекими опосредствованиями во времени и пространстве, включает в себе совершенно особое своеобразие активности психического процесса. Это та эмпирически безошибочно распознаваемая, но с большим трудом поддающаяся строгому детерминистическому объяснению форма активности, которая не только «оживляет», но и «одушевляет» физическую плоть организма. Не что иное, как именно особый характер активности, лежит в основе первичного эмпирического выделения «одушевленных» существ (животных) как частной формы живых организмов.

Уникальный по сравнению с другими, более элементарными проявлениями активности характер этой особенности состоит в том, что на всех уровнях поведения — от простейшего локомоторного акта до высших проявлений разумности и нравственности в произвольном человеческом поступке — конкретные параметры структуры и динамики этого акта не могут быть непосредственно выведены ни из физиологических сдвигов внутри организма, ни из физических свойств воздействующих на него стимулов. Это и делает такую активность психической именно потому, что она прямо не вытекает ни из физиологии внутренних процессов организма, ни из физики, биологии и социологии его непосредственного внешнего окружения. Но вместе с тем, поскольку эта активность не является однозначной равнодействующей физиологических и физических сил, в ней нет жестко предзаданной и фиксированной во всех ее конкретных реализациях и деталях программы, и субъект может действовать «на много ладов» (Сеченов); психическая активность проявляется и эмпирически различается как активность свободная.

Такова основная феноменологическая картина тех критических признаков всякого психического процесса, которые различающая и классифицирующая мысль эмпирически обнаруживает непосредственно под внешней поверхностью его проявлений в доступных наблюдению актах жизнедеятельности и поведения организма.

Познающая мысль использует эти признаки для выделения особого класса процессов, называемых психическими, скрыто или явно заключая об этих признаках именно по их наблюдаемым и эмпирически фиксируемым проявлениям. Исходная характеристика предметности проявляет себя в показании человека о том, как ему раскрываются объекты, т. е. именно в том, что они открываются ему не как следы или «отпечатки» внешних воздействий в его телесных состояниях, а именно как собственные свойства внеположных по отношению к нему предметов.